

Калинина Олеся Валерьевна

ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА В РОМАНЕ А. МАКИНА "РЕКВИЕМ ПО ВОСТОКУ"

В статье анализируется роман французского писателя А. Макина "Реквием по Востоку", рассматривается образ России и русской истории XX века, созданный писателем. Особое внимание уделяется периоду революции, Великой Отечественной войны. Автор приходит к выводу, что история в романе А. Макина предстает чередой бесконечных потрясений, противостоять которым может русский человек, обладающий такими чертами национального характера как стойкость, терпение, способность к самопожертвованию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 68-72. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

STEREOTYPED IMAGE OF LOVE ACCORDING TO THE DATA OF DIRECTED ASSOCIATED EXPERIMENT

Ivashchenko Galina Alekseevna

*Anton Chekhov Taganrog State Institute (Branch) of Rostov State University of Economics
galina.ivashchenko@inbox.ru*

In the article the topicality of the study of stereotyped image of Love as one of the most durably retained images in memory of native speakers of the Russian language is grounded. The data of directed associated experiment, the qualitative- quantitative analysis of which has shown a high degree of uniformity of reactions-predicates to the stimulus-subject Love, are the material for the research. Among the detected semantic groups of reactions-predicates a group of verbs-predicates of motion which form a core of features of stereotyped image of Love and present it as an image of Wayfarer prevails.

Key words and phrases: stereotyped image of Love; linguistic memory of native speakers of the Russian language; directed associated experiment; core of features of stereotyped image of Love; verbs-predicates of motion.

УДК 81

Филологические науки

В статье анализируется роман французского писателя А. Макина «Реквием по Востоку», рассматривается образ России и русской истории XX века, созданный писателем. Особое внимание уделяется периоду революции, Великой Отечественной войны. Автор приходит к выводу, что история в романе А. Макина предстает чередой бесконечных потрясений, противостоять которым может русский человек, обладающий такими чертами национального характера как стойкость, терпение, способность к самопожертвованию.

Ключевые слова и фразы: Андрей Макин; «Реквием по Востоку»; французская литература; история России; Великая Отечественная война; образ России.

Калинина Олеся Валерьевна*Московский педагогический государственный университет
адрес o.v.kalinina1605@gmail.com***ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА В РОМАНЕ А. МАКИНА «РЕКВИЕМ ПО ВОСТОКУ»[©]**

Роман французского писателя русского происхождения А. Макина «Реквием по Востоку» (2000) мало известен в России и не переведен на русский язык. Тем не менее, темы, заявленные в более знакомом читателю романе «Французское завещание» (1995), получают свое развитие в «Реквиеме по Востоку» – следующем романе трилогии («Французское завещание», «Реквием по Востоку», «Земля и небо Жака Дорма» (2003)). В центре повествования оказывается история России XX века: революция и гражданская война, становление советской России, Великая Отечественная, участие СССР в войнах за независимость в африканских странах, перестройка. Остановимся подробнее на ключевых моментах истории России в романе, постараемся выявить авторское отношение к описываемым событиям, определим особенности созданного писателем образа России.

Название романа многое объясняет как в тематике, так и в структуре повествования. Реквием – траурное произведение, плач по умершему, и герой-повествователь оплакивает страну своего детства и молодости, страну, которой уже нет. Реквием – память о горе, и действительно, история России XX века в романе Макина предстает чередой разрушительных потрясений. Реквием – многочастное хоровое произведение, как и роман, в котором представлены три поколения и ключевые периоды в истории страны: революция и гражданская война; Великая Отечественная война; 60-е гг., годы детства героя-повествователя, период его юности и современность. Вместе с повествователем мы словно погружаемся вглубь, к истокам потрясений. Роман состоит из шести частей, в каждой из которых схематично может быть выделена ведущая тема: детство повествователя, молодость, история деда, судьба отца, современность и снова возвращение в прошлое. При этом действие в романе лишено линейности, подчинено законам памяти, только в конце произведения из обрывков воспоминаний, недоговорок, догадок создается целостный образ героев, истории их жизни. В. А. Пестеров, анализируя роман «Французское завещание» и роль воспоминаний в структуре произведения, отмечал: «Во внешней и внутренней структуре романа воспоминание доминирует. <...> Поэтому, естественно, достоверна форма фрагментарной композиции с ассоциативными пространственно-временными переключениями и смещениями» [4, с. 143].

Роман многосложен, сплетен из нескольких сюжетных линий, каждая из которых раскрывает образ русского человека и русской истории. Перед нами судьба Николая и Анны, отразившая события революции, гражданской войны, первых лет советской власти, жизнь их сына Павла и его жены, связанная с Великой Отечественной войной, история героя-повествователя и его возлюбленной. Герой-повествователь – военный врач, а позже советский шпион – постоянно возвращается в прошлое, движимый необходимостью рассказать о себе, своей семье и своей

стране. Воспоминания героя создают образ советской России, основными характеристиками которой являются мощь, величие, грозность, трагизм, страх. Так, СССР – это гигантская империя, уничтожающая всех, кто встает на ее пути: гибельным оказалось не только ее возникновение, но и разрушение. Повествователь признает, что должен будет рассказать «об истории страны, нашей страны, которой почти на наших глазах удалось стать грозной империей и обрушиться с шумом разбитых жизнью» [8, р. 25]. В словах героя есть ужас и восхищение, выражающееся некой гиперболизацией, сравнением со стихийным природным началом: «Свидетельствовать о том, что мы пережили, значило говорить об исчезнувшем океане...» [Ibidem]. СССР – грандиозный проект, бросающий вызов мирозданию, что показано сравнением с Вавилонской башней. «Наша страна, эта подавляющая империя, эта Вавилонская башня, цементированная мечтами и кровью, не разрушится ли она, этаж за этажом, свод за сводом, превращая свои зеркальные галереи в груды деформирующих зеркал и свои перспективы в тупики» [Ibidem, р. 26]. В сравнениях с Вавилонской башней и деформирующим зеркалом звучит мысль о том, что в СССР нарушаются непреложные законы существования человека и страна обречена на гибель.

Атмосфера страха возникает с первых страниц романа. Страх становится всеобъемлющим чувством, тень хозяйина империи, нависшая над страной, объединяет всех ее жителей. Но страхом охвачены не только они, сам мифический хозяин – это «старик, разрываемый страхом не убить того, кто может убить его» [Ibidem, р. 13]. Заметим, что мотивы страха, тирании власти, варварства характерны для многих французских произведений о России, как это показал А. Р. Ощепков в докторской диссертации «Образ России во французской литературе XIX века». Так, например, Рюльер в книге «История и анекдоты о революции в России 1762 года» писал: «на земле не найдется более абсолютной власти, чем власть русских самодержцев: во всей империи их воля – единственный закон; покорность ей – единственная мораль <...>. Вся страна угнетена правительством. Повсюду страх <...>» [Цит. по: 3, с. 37]. У А. де Кюстина тоже появляется идея «России-тюрьмы», «Россия страшит Кюстина своей мощью (прежде всего военной). Описывая Россию, Кюстин неоднократно использует метафоры с семантикой силы. Россия – «еящий гигант», «кюсс»» [Там же, с. 275]. Создавая образ СССР, А. Макин следует предшествующей литературной традиции, разделяет устойчивые стереотипы, согласно которым Россия – страна снегов, бесконечных степей, империя страха. С одной стороны, стереотипы предлагают упрощенное представление о стране, с другой стороны, они являются необходимым способом познания мира, поскольку «составляют константы языковой картины мира <...> призваны представлять этническое сознание, мировоззрение этноса» [5, с. 179]. Можем отметить, что А. Макин выходит за пределы стереотипов и предлагает глубоко личный взгляд на Россию и ее историю.

История советской России не исчерпывается трагизмом, разрушением, страхом, ибо существуют человеческие отношения, наполненные любовью, героизмом, самоотречением, и задача героя – суметь рассказать об этих отношениях. Правда у Макина часто субъективна, это то, что переживается героем непосредственно, что входит в его жизненный опыт. И зачастую, правда для повествователя – это счастливая правда, правда межличностных отношений и любви. Герой-повествователь не претендует на широкий охват исторических событий и на объективность, он рассказывает о своей жизни и жизни семьи: «Мои записки напоминали странный репортаж, дошедший из несуществующего мира, из небытия. Я понимал, что вместо этого перечисления фактов с претензией на историческую объективность, нужно рассказать простую историю жизни, часто невидимую, скрытую» [8, р. 125].

Жизнь героев отражает движение русской истории XX века, представленной бесконечной чередой потрясений. Глазами деда повествователя читатель видит события гражданской войны, революции, первые годы советской власти. Крестьянин Николай узнал слишком много того, что нарушает его представление о жизни, и, как это часто происходит с героями Макина, ничему больше не удивляется: «Николай видел поля, заваленные человеческими телами и лошадьми, оставшихся там после битвы, деревни, наполненные трупами повешенных <...> Смерть, огонь, развалины домов больше не удивляли его» [Ibidem, р. 137]. Изменения, происходящие в стране, пугают и опьяняют одновременно. Новая власть оказывается соблазнительной, она обещает свободу, новый мир, где можно будет не пахать, однако, при этом требует убить всех «кровопийц». В памяти Николая возникает только бывший владелец деревни Дольшанский, представить этого благородного старика кровопийцей оказывается непросто, но можно было воображать кровопийц в целом, «тогда поднимался гнев, и рубить, стрелять, убивать становилось легче» [Ibidem, р. 138]. Однако упоение предложенной свободой не было долгим, Николай быстро понял, что, «конечно, можно не пахать, не сеять, но тогда поля покрываются трупами» [Ibidem, р. 140]. Для героев Макина характерно такое заблуждение, проявляющееся в поиске новых путей, новой свободы, и последующее прозрение как возвращение к вечному, исконному, как осознание ценности жизни. По мысли писателя, в истории России XX века нет движения вперед, есть только уход от внутренней правды и простоты.

Автор представляет революцию силой, лишившей человека основ, подменившей истинное ложным. Позиция писателя в оценке революции подтверждается введением традиционной оппозиции «живого» – «мертвого», «человеческого» – «механического». Несмотря на привычку Николая к смерти, случилось что-то, что потрясло его и заставило покинуть отряды красных, – это телеграфная машина, решающая участь «врагов революции»: «Он не знал, сколько казней этого рода он уже видел в течение двух лет войны. Но эта белая змея, которая вышла из машины, сжала ему горло гневом и болью» [Ibidem, р. 142]. Оживший механизм, подчинивший себе людей, страшное устройство, извергающее смертельные приказы, становится образным символом. Знаком утраты духовности становится и портрет Сталина, занявший в каждом доме место, прежде принадлежавшее иконе. «Уже давно портрет Сталина в каждом доме стал почти невидимым в своей очевидности, такой же привычный, как некогда икона» [Ibidem, р. 169]. Интересно, что о подмене портретом Сталина иконы говорил и Андре Жид в «Возвращении из СССР»: «Изображения Сталина встречаются на каждом

шагу, его имя на всех устах, похвалы ему во всех выступлениях. В частности, в Грузии в любом жилище, даже в самом жалком, самом убогом, вы непременно увидите портрет Сталина на том самом месте, где раньше висела икона. Я не знаю, что это: обожание, любовь, страх, но везде и повсюду – он» [1, с. 373-374].

Еще одно страшное свидетельство революции – молодая беременная женщина, лишенная языка и погребенная заживо, на которую наткнулся Николай во время своих странствий. Он знал, что пленных часто заставляют рыть себе могилу, но на этот раз одного оставили в живых, наверное, потому, что «столько людей убили на этой войне, что стали ленивы» [8, р. 149]. Женщина становится женой Николая, получает имя Анна, а родившегося мальчика Николай воспитывает как своего сына. И только после смерти жены Николай узнает о её дворянском происхождении.

Думается, не случайно герой находит счастье с женщиной, которая не может говорить. Противопоставленность многословия и тишины как ложного и настоящего не раз подчеркивается в романе. Николай замечает, что с установлением советской власти жизнь вокруг становится все более болтливой: «Говорили о работе, вместо того чтобы работать. Объявляли счастье народа и оставляли умирать от голода старушку в избе с покосившейся крышей» [Ibidem, р. 154]. Серьезное отношение к слову как к инструменту, творящему мир, характерно для многих героев романа, поэтому бессмысленное многословие нового мира сравнивается с безумием: «весь этот новый порядок вещей – только помрачение рассудка, сходное с гримасами пьяницы» [Ibidem, р. 155]. И если были у героев моменты счастья, постижения смысла жизни, то они были лишены слов.

Молчание у Макина имеет необыкновенную силу противостоять страху. Были у Николая и Анны мгновения бесконечного спокойствия рядом со спящим ребенком, когда приходит ясное понимание, что «этого молчания достаточно, чтобы жить. Все остальное – дурной сон. Разговоры, злые голоса, говорящие о счастье, страх не быть достаточно твердым, не казаться достаточно счастливым, достаточно беспощадным к врагам, страх, страх, страх... В то время как жизнь нуждается только в этих минутах» [Ibidem, р. 167]. Возможно, благодаря этим минутам, герои смогли выжить в период организации колхозов и борьбы с кулаками. Смогли не потерять разум, когда узнали правду об организованном голоде.

Если история – сила беспощадная, несущая страдания, то есть нечто возвышающееся над всеми заблуждениями, дарующее силы жить – это вечная безмолвная природа. Она помогает противостоять бесчеловечным изменениям, позволяет надеяться, что жизнь вернется к простым истинам. Герои Макина понимают, что никакая власть не лишит человека счастья любить, чувствовать себя частью вселенной: «От прежнего счастья остались только эти несколько восходов солнца, этот холодный источник в углублении ущелья в день жатвы в летнем пекле, эта дорога, занесенная последней снежной бурей. Как и сейчас. Как всегда» [Ibidem, р. 165]. Во фразе «как всегда» звучит уверенность в том, что русский человек, обладающий безграничным терпением, останется верным себе в любых обстоятельствах.

Русский человек у Макина – это простота, человечность, жизнь в согласии с природой, способность безгранично терпеть, жертвовать собой ради другого, часто чужого. Это Николай, который без лишних слов спасает женщину, женится на ней, воспитывает чужого ребенка и не любит говорить об этом. Это Анна, спасающая детей ценой своей жизни. Она не могла окрикнуть детей, идущих по разрушенному мосту, и они упали в ледяную воду. Заботясь о них, она забыла про себя и долгое время оставалась покрытой льдом, а через час ее охватил жар. Умирая, Анна протянула Николаю конверт, но только через год он прочитал письмо, написанное незнакомым почерком, из которого узнал, что Анна была дочерью крупного землевладельца, «совершала долгие путешествия за границу, и ничто не предвещало их встречу и жизнь в избе в Дольшанке» [Ibidem, р. 175-176].

Большое место в романе и творчестве Макина в целом занимает Великая Отечественная война. Одна из задач писателя – рассказать западному читателю о роли СССР во Второй мировой войне, разрушить сложившиеся стереотипы. С. М. Фомин, размышляя о причинах, по которым «Реквием по Востоку» не стал бестселлером на Западе, находит их в особенностях национальной концептосферы. Если «в понимании истинного француза быть гражданином Французской республики большая честь, которую инородец должен заслужить и оставаться за это благодарным Франции всю свою сознательную жизнь» [6, с. 290], то Макин нарушает условия гостеприимства: «Андрей Макин не хочет быть просто бытописателем, как того желали бы его новые соотечественники. Ему хочется стать нравственным гидом нации, учителем, обязанным рассказать истинную правду о фашизме, Франции и СССР тем, кто наивно полагает почти на официальном уровне, что войну выиграли сами французы при поддержке своих западных собратьев» [Там же, с. 292]. Эта же мысль об отношении Запада к роли СССР во Второй мировой войне, о замалчивании числа погибших появляется и в книге журналиста и геополитика Александра Латсы, француза, живущего в России и стремящегося разрушить мифы о нашей стране: «С точки зрения Запада Вторую мировую войну выиграли Соединенные Штаты и союзники коалиции, поскольку Восточная Европа перешла от одного тоталитаризма к другому. Слишком мало исторических деталей, касающихся потерь Советской армии между 1941 и 1945 годами» [2, с. 260].

Макин не только рассказывает о войне, он делает Вторую мировую и роль СССР в ней предметом обсуждения в парижском обществе. Герой-повествователь оказывается на демонстрации фильма «Цена опоздания»: на фоне кадров, где советские солдаты едят, смеются, курят, танцуют, закадровый голос перечисляет жертвы, которых можно было избежать, если бы не медлительность Сталина. В финале же, в соответствии с западными представлениями, появляются американские солдаты и освобождают лагерь. Герой, понимая, что не должен был вмешиваться, что его не услышат и не поймут, все же говорит «о линии фронта, протянувшейся на тысячи километров между Балтийским и Черным морем, об этих маршевых наступлениях, которые Сталин совершал, чтобы спасти американские отряды в битве в Арденнах, о простом арифметическом

числе солдат, которые должны были каждый день умирать тысячами, чтобы переместить линию фронта на несколько километров к западу» [8, р. 277-278]. Но его правда о войне, о тех солдатах, среди которых был и его отец, об их подвигах, часто остававшихся неизвестными, приходит в противоречие со всем, что он слышит и видит вокруг. Он чувствует себя безмолвным носителем истины, знает, что любые возражения бесполезны: «Я прошел сквозь толпу, пытаюсь освободиться от отвращения, что сказал слишком много. Но произнесенные слова беспрестанно возвращались со всё более непоправимой интонацией: –Без артиллерии... Голыми руками... Живые щиты...» Во взглядах, которые я встречал, мне виделось ироничное понимание, с которым принимают оплошность. Я говорил себе, что легче было бы добиться понимания от того офицера Вермахта, который орал на площади Брест-Литовской крепости, чем от этих людей, потягивающих свои напитки» [Ibidem, р. 280]. Герой вдруг осознает, что во всех разговорах звучат только цифры, анонимные миллионы, в то время как каждый погибший имел лицо, имя, прошлое.

Перед писателем не стояла задача представить широкую панораму действия, реконструировать все этапы войны, он стремится кратко и емко передать свое представление о войне как национальной и мировой трагедии. В романе показаны первые месяцы, мелькание городов, отступление в такую глубину, что присутствие немцев казалось «оптической иллюзией, картографической ошибкой» [Ibidem, р. 177], неготовность страны к войне: «Отступали, не имея возможности забрать раненых, не запоминая названия оставленных городов. И ему казалось, что они с товарищами участвуют в сражении, рассказанном отцом: эти старые винтовки, эта кавалерия... Перед ними была совсем другая война – быстрое распространение бронетанковых войск по земле, перевернутой авиабомбами» [Ibidem, р. 185]. В романе нет риторики обличения или рассуждений об ошибках Сталина, только желание «дать слово этим самым людям, этим призракам обычной жизни, запертым в лимбе, дать им жизнь» [7, р. 25].

В описании Макиным войны можно отметить традиции Толстого. В романе война предстает как противоестественное явление, к постоянному присутствию смерти нельзя привыкнуть: «Он мог сказать, что видел все, что можно видеть в смерти, что никакое истерзанное, разорванное, раздробленное тело не должно больше его удивлять странностью увечий. Однако смерть оставалась ошеломляющей» [8, р. 188]. Абсурдность действий человека ярче проявляется в сопоставлении с природой, возникает трагический контраст между сиюминутным и вечным, искусственным и естественным: «Эта спутанная трава, мягкая, наполненная ленивым жужжанием насекомых, трава радостного лета, которое продолжалось, словно ничего не было воле горящих изб, в которых кричали запертые люди. <...> Теплый воздух, наполненный запахом цветов, уже утяжеленный острым запахом деревни» [Ibidem, р. 186].

У Макина Россия – это начало природное, и не случайно большое внимание писатель уделяет деталям, краскам, запахам, именно они воплощают для героев представление о родине, доме, счастье. Так, запах земли и коры рождает уверенность в близкой победе, а воспоминание о подорожнике возле дома дарит чувство устойчивости, постоянства: «Среди всех запутанных траекторий, одна надежная точка, неизменная с его ухода – родной дом, листья подорожника возле деревянного крыльца, привычный скрип двери. Несмотря на все разрушенные города, несмотря на все смерти, спокойствие этого дома казалось нетронутым» [Ibidem, р. 193].

Одной из характеристик жизни героев Макина и, соответственно, чертой русской жизни становятся хрупкость, неукорененность. Герой-повествователь, вспоминая о том моменте, когда вынужден был покинуть родной дом и родителей, говорит: «Жизнь его семьи показалась вдруг очень хрупкой перед лицом этого угрожающего мира, в котором дома обходятся без гранитного диска и где люди, носящие черные сапоги, исчезают на улице, которая нигде не заканчивается» [Ibidem, р. 22].

И действительно, жизнь трех поколений семьи подтверждает это определение. Дед повествователя, чью жизнь перевернула советская власть, бежит от красных, становится врагом как красных, так и белых, спасает заживо закопанную женщину, живет, ничего не зная о своей жене и только после ее смерти узнает правду. Анна, молодая образованная дворянка, оказывается женой простого крестьянина, скрывает свое прошлое. Лишенная языка, не может окрикнуть тонущих детей, но ценой своей жизни спасает их. Павел, счастливый советский ребенок, вырастает, оказывается на войне, становится случайным свидетелем насилия, вступает за честь женщины. Осужден, отправлен в дисциплинарную роту, одним из немногих среди своих товарищей остается жив. Пытается рассказать правду о том, что пережил, после доноса вынужден бежать. Как и отец, вступает за женщину, вместе с ней находит убежище в горах. Жена Павла – балкарка, принадлежит народу, изгнанному из родных мест. Несколько счастливых лет жизни, но потом их обнаруживают, убежище оказалось хрупким и ненадежным. Герой-повествователь – сирота, не знающий о своих родителях, постоянно сравнивающий себя с другими, обычными людьми. Становится шпионом, человеком, постоянно меняющим свою идентичность. Проходит период отказа от прошлого: «Я был освобожден от своего имени и паспорта, который его удостоверял» [Ibidem, р. 60], испытывает «удовольствие быть человеком без паспорта» [Ibidem, р. 76]. В романе представлена диалектика памяти и забвения. Герой-повествователь, стремясь избавиться от травмирующих воспоминаний, сначала выбирает путь отказа от прошлого, но потом понимает, что нельзя освободиться от самого себя, поэтому второй возможный путь – путь восстановления истории семьи и страны.

Можем сделать вывод, что история в романе – сила, враждебная человеку, несущая страдания и смерть. При этом важно отметить, что события прошлого оказываются составной частью жизни героя-повествователя, который «видит» происходящее глазами деда и отца, и эта условность придает его описаниям достоверность.

Революция и гражданская война, согласно А. Макину, – явление закономерное, но страшное в своей бесчеловечности. Авторское отношение передается введением образа-символа ожившего механизма, новый советский мир характеризуется многословием и подменой истинного ложным, о чем свидетельствует замена

иконы портретом Сталина. СССР в романе – это гигантская империя, мощная, величественная и внушающая страх. Великая Отечественная война предстает в романе как национальная и мировая трагедия, противоестественное явление, где, однако, есть место подвигу и величию.

Как мы видим, каждый период русской истории XX века содержит мрачные страницы, но всё же реквием Макина имеет светлое звучание, есть что-то, что противостоит безжалостной истории. Это, в первую очередь, сами люди, способные на верность, любовь, доброту, самопожертвование. И это особая роль русской природы, которая дает героям Макина силы, ощущение счастья и радости, чувство спокойствия и уверенности. Поэтому можно утверждать, что в романе присутствуют не только «страх», «ложь», «забвение», «смерть», но и «смелость», «правда», «память», «жизнь».

Список литературы

1. **Жид А.** Возвращение из СССР. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. Т. 7. 480 с.
2. **Латса А.** Мифы о России. От Грозного до Путина. Мы глазами иностранцев. М.: Астрель, 2013. 320 с.
3. **Ощепков А. Р.** Образ России во французской прозе XIX века: дисс. ... д. филол. н. М., 2011. 410 с.
4. **Пестеров В. А.** Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. Волгоград: ВолГУ, 1999. 312 с.
5. **Семашко Т. Ф.** Стереотип как фрагмент языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 176-179.
6. **Фомин С. М.** Французский писатель Андрей Макин? [Электронный ресурс] // Зинченко В. Г., Зусман В. Г. Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/m_komm/03.php (дата обращения: 16.06.2014).
7. **Argand C.** Andreï Makiny // Lire. Paris. Février. 2001. P. 24-27.
8. **Makine A.** Requiem pour l'Est. France: Folio, 2010. 362 p.

THE HISTORY OF RUSSIA OF THE XX CENTURY IN THE NOVEL BY A. MAKINE “REQUIEM FOR A LOST EMPIRE”

Kalinina Olesya Valer'evna
Moscow State Pedagogical University
o.v.kalinina1605@gmail.com

The article analyzes the novel by the French writer A. Makine –“Requiem for a Lost Empire”, investigates the image of Russia and the Russian history of the XX century created by the writer. The special attention is paid to the period of revolution, Great Patriotic War. The author concludes that the history in the novel by A. Makine is represented as a sequence of continuous shocks which can be resisted by a Russian possessing such features of a national character as firmness, patience, ability for self-sacrifice.

Key words and phrases: Andrei Makine; –“Requiem for a Lost Empire”; French literature; history of Russia; Great Patriotic War; image of Russia.

УДК 81'373

Филологические науки

В статье уточняются такие понятия как эрратология и билингвизм, исследуются основные лингвистические характеристики искусственного билингва, выявляются особенности ментального лексикона искусственного билингва. Особое внимание уделяется анализу ассоциативных связей между лексемами как одного из факторов формирования эрративного компонента ментального лексикона искусственного билингва.

Ключевые слова и фразы: эрратология; билингвизм; искусственный билингв; ментальный лексикон; эрративный компонент; ассоциативные связи.

Калиновская Елена Александровна, к. филол. н.

Кобышева Анна Сергеевна, к. пед. н.

Северо-Кавказский федеральный университет
sunshine_lin@mail.ru; bonnittas@mail.ru

ЭРРАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА ИСКУССТВЕННОГО БИЛИНГВА[©]

Обусловливая выбор одного из титульных концептов работы – эрративный компонент, обратимся к работе А. Б. Шевнина «Эрратология и межкультурная коммуникация», в которой автор приводит результаты исследований в области теории анализа ошибок и отмечает необходимость введения такого научно-исследовательского направления, как эрратология, в парадигму лингвистических исследований в связи с тем, что «эрратологический материал может служить перспективной и надежной базой для возможного переосмысления многих теоретических положений, коррекции методологии и методики преподавания и